

Репрезентации родителей и себя в картине мира ребенка-сироты

В.Н. Ослон,

*кандидат психологических наук, заведующая лабораторией психолого-социальных проблем профилактики безнадзорности и сиротства
osl-veronika@yandex.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования возрастной динамики изменений репрезентаций родителей и себя у ребенка-сироты в различных условиях альтернативной заботы (детский дом – замещающая семья), их влияния на интеграцию в новой семье. В исследовании участвовало 120 детей-сирот в возрасте от 3 до 11 лет. Психодиагностическим материалом для анализа стали результаты проективного эксперимента, полученного с помощью апперцептивных тестов. Выявлены различия в формировании репрезентаций у детей в зависимости от наличия раннего опыта детско-родительских отношений и возраста помещения в замещающую семью. Показано, что отсутствие опыта детско-родительских отношений затрудняет формирование позитивной репрезентации родителей, способствует развитию виктимной идентичности у ребенка, репрезентации себя как заслуживающего агрессии и наказания. Выделены особенности образов матери и отца в картине мира ребенка. Показано, что у детей, имеющих опыт жизни в биологической семье, в условиях замещающей семейной заботы репрезентации отца как достаточно надежного и эмпатийного родителя более устойчивы и формируются раньше по сравнению с позитивной репрезентацией матери. Выявленные репрезентации родителей и себя у ребенка-сироты рассматриваются в качестве мишеней его психологической реабилитации, эффективность которой невозможна без учета особенностей его субъективного мира.

Ключевые слова: дети-сироты, репрезентации родителей и себя, динамика изменений, мишени психологической реабилитации.

Представления о реабилитационных возможностях замещающей семьи в компенсации депривационных нарушений в развитии у детей-сирот не могут быть полными без понимания особенностей внутреннего опыта ребенка и его влияния на взаимоотношения в семье. Этот опыт содержит множество бессознательных элементов, сформировавшихся под влиянием различных факторов среды (условия воспитания, характер детско-родительских отношений и т.д.) и их субъективного преломления в его внутреннем «репрезентативном мире» [5].

Согласно Дж. Сандлеру, «репрезентативный мир» – это психическая модель мира, развивающаяся на основе сенсорного опыта, а репрезентация – схема, построенная из

множества впечатлений, служащая эталоном, постоянно модифицирующим наш осознанный и бессознательный опыт и поведение.

Д. Штерн связывал субъективную картину мира ребенка с характером ранних взаимоотношений с матерью [7; 8]. Он считал, что репрезентации становятся «путеводителем» ребенка по взаимоотношениям со Значимыми другими. Субъективный опыт взаимодействия быть-с-другим-человеком [4], полученный ребенком-сиротой в условиях депривационного воспитания, искажает его картину мира и накладывает отпечаток на восприятие среды. В подобных условиях ему крайне сложно сформировать позитивные репрезентации Значимых других и себя [8], необходимые для нормального психического развития. Впоследствии эти репрезентации реализуются в собственном родительском поведении [3] и становятся причиной вторичного сиротства.

Через призму «депривационной» картины мира дети воспринимают взаимоотношения и в замещающей семье. Это нередко препятствует установлению отношений привязанности, способствует дезинтеграции ребенка из семьи. Поэтому важнейшим направлением психологической реабилитации детей-сирот является коррекция их репрезентаций родителей и себя.

Проникновение в суть содержания репрезентаций – задача достаточно сложная. Внутренний опыт ребенка содержит множество бессознательных элементов, которые могут быть выявлены исключительно в условиях проективного эксперимента, позволяющего сделать явными потребности, фрустрируемые в открытом социальном поведении [4].

Методологической основой проведенного нами исследования стала концепция «репрезентативного мира» Дж. Сандлера, согласно которой субъективный мир личности может быть описан репрезентациями, составляющими эту систему личности [5].

Цель исследования состояла в изучении динамики изменений репрезентаций родителей и себя у детей-сирот в различных условиях альтернативного воспитания, их влияния на интеграцию в замещающей семье. Особый акцент делался на динамике изменений данных репрезентаций при переходе из детского дома в замещающую семью.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: на интеграцию детей-сирот в замещающей семье оказывают влияние сформированные в условиях депривационного воспитания репрезентации родителей и себя. Содержание и динамика их изменений в условиях институционального и семейного воспитания зависят от возраста ребенка, наличия раннего опыта детско-родительских отношений, возраста, в котором он оказался в замещающей семье.

В исследовании приняли участие 120 детей-сирот в возрасте от 3 до 13 лет. Согласно принятым возрастным классификациям [2], они были разделены на четыре возрастные группы (табл.), которые были выровнены по интеллектуальному уровню (норма) и полу

обследуемых. В каждой возрастной группе были выделены дети, которые с рождения воспитывались в институциональной системе («отказники»), и дети, имеющие опыт ранних детско-родительских отношений («семейные»).

Т а б л и ц а

Распределение детей по возрастным группам, наличию раннего опыта детско-родительских отношений (%)

Жизненный опыт ребенка/ Возрастная группа	3–6 лет N–30	7–9 лет N–32	10–12 лет N–30	13–15 лет N–28
«Отказники»	33,3 (10)	34,37 (11)	33,3 (10)	32,1 (9)
«Семейные»	66,7 (20)	65,6 (21)	66,7 (20)	67,9 (19)

По замыслу исследования все дети должны были проходить обследование как в условиях детского дома, так и в замещающей семье после 1 года проживания. Однако дети из числа «отказников», переданные в семью в возрасте старше 10 лет, не выдерживали этого срока жизни в семье, поэтому обследование проходили только в условиях детского дома.

В качестве психодиагностического материала рассматривались результаты тестирования детей по апперцептивным тестам («Children's Apperception Test (CAT)», Л. Беллак и С. Беллак, 1949; «Thematic Apperception Test (TAT)», Г. Мюррей, К. Морган).

По результатам исследования был проведен качественный анализ протоколов рассказов детей (всего 120 протоколов), выделены ведущие темы. При качественном анализе результатов «САТ» была использована схема анализа Н.С. Бурлаковой, В.И.Олешкевич [1], проведен частотный анализ повторяющихся тем. При статистической обработке данных использовались: критерий ϕ (для дихотомных переменных), критерий χ^2 Фридмана для связанных выборок и критерий Манна – Уитни для несвязанных выборок.

В результате исследования были получены следующие данные.

Репрезентация матери у детей в институциональных и семейных условиях воспитания.

Детский дом. Возрастная группа 3–6 лет.

«Отказники» (N–10). В группе детей, с рождения воспитывающихся в институциональной заботе, образ матери оказался не дифференцированным, множественным и неустойчивым. В целом, доля номинаций женских фигур на роль матери была значительно снижена по сравнению с аналогичным показателем у сирот, имеющих опыт жизни в биологической семье (соответственно: «отказники» – N–10, 40 %; «семейные» – N–20, 100 %; p

$\leq 0,005$; U-критерий Манна-Уитни). На роль матери, как правило, назначались две и более фигуры, иногда независимо от пола персонажа (практически в каждом втором протоколе). Обращало на себя внимание отсутствие у детей эмоционального отклика на переживания симбиотической, телесной близости с матерью (100 % протоколов), а также отсутствие идентификации матери и ребенка в пределах одной семьи.

«Семейные» (N=20). В группе «семейных» детей образ матери был более стабильным и дифференцированным (соответственно: «семейные» – N=20, 80 %; «отказники» – N=10, 10 %; $p \leq 0,001$; U-критерий Манна-Уитни). Сохранной оставалась идентификация с матерью (N=20; 80 % протоколов). Дети пытались выполнять ее функции независимо от пола опрошенного. Особое внимание было уделено процессу кормления. Фигура матери в большинстве случаев появлялась именно в контексте кормления (N=20; 75 % протоколов). Контексты кормления (процессы интроекции) и спасения ребенка в рассказах нередко были совмещены (N=20; 40 % протоколов). У части детей была выражена явная потребность в симбиотических, сверхблизких телесных отношениях с матерью (N=20; 40 % протоколов). По мере взросления ребенка к старшему дошкольному возрасту в интерпретациях образа матери наметилась явная тенденция к «расщеплению» (N=20; 90 % протоколов): с одной стороны, мать представлялась в роли жертвы, с другой – в роли агрессора («большая, злая»), фрустрирующая своим поведением ребенка (N=20; 80 % протоколов).

Замещающая семья. Возраст помещения в замещающую семью 3–6 лет. Изменения.

«Отказники». Образ матери становится более дифференцированным и стабильным. По сравнению с другими фигура матери стала восприниматься детьми как наиболее безопасная (детский дом – 0% протоколов, замещающая семья – 40 % протоколов; $p \leq 0,003$; критерий X²г Фридмана). Изменения отсутствовали в отношении телесной близости с матерью, которая оставалась, по-прежнему, проблемной и не приносящей чувства удовольствия и безопасности (встречается в 85 % протоколов).

«Семейные». Изменения репрезентации матери связаны с передачей фрустрирующих функций (наставление, критика) от матери Другому взрослому (мать выполняет фрустрирующие функции: детский дом – 80 % протоколов, замещающая семья – 20 % протоколов; $p \leq 0,005$; критерий X²г Фридмана). Воздействие механизма «расщепления» в определенной мере нивелируется («расщепление» образа матери: детский дом – 80 % протоколов, замещающая семья – 17,5 % протоколов; $p \leq 0,001$; критерий X²г Фридмана), уступая место механизму «идеализации».

Детский дом. Возрастная группа 7–9 лет.

«Отказники» (N–11). Выявлена явная тенденция к **«вытеснению»** образа матери из рассказов детей и номинации сверстника на роль объекта привязанности (в 63,6 % протоколов).

«Семейные» (N–21). Четко выделяются две ведущие темы: ожидание появления матери и неудовлетворенная потребность в зависимости от нее (75 % протоколов).

Замещающая семья. Возраст помещения в замещающую семью 7–9 лет. Изменения.

«Отказники» (N–11). Выявлены изменения в восприятии образа матери и взаимоотношений с ней. Ребенок как бы делает «скачок» в аффективном насыщении темы отношений с матерью. Это проявлялось в эмоциональных реакциях детей на фигуру матери в рассказах (нарастание реакции возбуждения), расширении репертуара взаимоотношений, в предпочтении матери в роли объекта привязанности (в детском доме – в 36,4 % протоколов, в замещающей семье – в 81,8 % протоколов; $p \leq 0,05$; критерий X²г Фридмана). При этом реальные отношения с матерью отнесены к будущему. Начинает актуализироваться тема наказания «плохой» матери за отказ от ребенка, который в символическом плане интерпретируется, как его «смерть».

«Семейные» (N–21). Наблюдался явный рост потребности в исключительном внимании со стороны матери, в телесной близости с ней как условия безопасности и психологического комфорта (детский дом – 57,1 %; замещающая семья – 90,47 %; $p \leq 0,030$; критерий X²г Фридмана). Уровень фрустрации во взаимоотношениях с матерью оставался высоким (детский дом – 76,1 %, замещающая семья – 85,7 %; значимых различий не выявлено). У большинства респондентов (52,38 %) актуализируется тема «наказания» матери со стороны уже взрослых успешных детей, которые ее «бросают в одиночестве».

Детский дом. Возрастная группа 10–12 лет.

«Отказники» (N–10). По сравнению с предыдущей возрастной группой у детей возрастает значение образа матери (для сравнения: доля упоминаний темы матери у детей более младшей группы в общем количестве протоколов – 27,2 %, у детей анализируемой группы – 80 %; $p \leq 0,005$; критерий X²г Фридмана). Однако сам образ продолжает оставаться эмоционально бедным и слабым. Поведение матери ненадежно, а сама она не в состоянии выполнять родительские функции. Ребенок осуществляет контроль и управление жизнью своей семьи. Он контролирует создание семьи, знакомство и брак родителей, рождение

сублинга (например: «девочка захотела ребенка, мама с папой поженились, и они родили ребенка»). Выявлена явная тенденция к реверсии семейных ролей по типу парентификации (в 60 % протоколов).

«Семейные» (N-22). Ведущей темой остается наказание матери (у детей в возрасте 7–9 лет тема представлена в 52,4 % протоколов, в возрасте 10–12 лет – в 60 % протоколов, значимых различий не выявлено). Тема обрастает различными деталями: «мать падает, разбивает голову, плачет», «ее сын разбивается на машине», «погибает на войне», «сын ненавидит свою мать». Выделяются две репрезентации матери: мать как плохой родитель и мать как хороший родитель. Репрезентации «плохой» матери встречаются достоверно чаще (мать как плохой родитель – 36,3 %; мать как хороший родитель – 16,6 %; $p \leq 0,05$). За незначительный проступок она либо выгоняет ребенка из дома, либо оставляет его одного. В содержании большинства проекций постоянно отыгрывается ролевой треугольник деструктивной семьи: жертва, преследователь, спасатель, в котором роли матери и ребенка флуктуируют.

Замещающая семья. Возраст помещения в замещающую семью 10–12 лет. Изменения (22 протокола).

У «семейных» детей (55 % протоколов) впервые появляется **«безопасный»** образ матери, телесная близость с которой может быть комфортной. Выделяются две репрезентации матери: мать как плохой родитель и мать как хороший родитель. В символической борьбе двух матерей начинает побеждать «хорошая» мать (40,9 %), «плохую» мать изгоняют (50,0 %). Изгнание «плохой» матери становится залогом счастливых изменений в жизни. Матери начинает приписываться функция спасителя ребенка.

Часть подростков (каждый 5-й опрошенный) пытается сделать выбор между собственными субличностями: «плохой», т. е. не соответствующей требованиям «хорошей» матери, и «хорошей». Значительная часть детей жертвует **«ПЛОХОЙ»** субличностью ради принятия их «хорошей» матерью. Мишень гнева смещается с матери на значимого Другого: отца или сублинга.

Детский дом. Возрастная группа 13 лет.

«Отказники» (N-9). Ведущей темой становится **«наказание»** матери через ее эмоциональное отвержение ребенком (представлено в 55,5 % протоколов). В фантазиях подростков наблюдается реверсия ролей: «брошенный» – «наказующий». Например, постаревшая мать испытывает потребность в близости, привязанности к своему

повзрослевшему ребенку. Но он ее бросает. Мать фрустрирована уходом ребенка и тяжело это переживает.

«Семейные» (N-19). Тема наказания матери начинает вытесняться из содержания проекций (доля протоколов, где ведущей темой в отношениях с матерью является ее наказание снижается: 10-12 лет – 60 % протоколов, 13 лет – 15 %; $p \leq 0,05$). Мать идентифицируется с ролью «жертвы», «отверженной». Распространенной становится репрезентация матери как слабого родителя (42,1 %). При этом протагонист в будущем передает собственные родительские функции матери.

Замещающая семья. Возраст помещения в замещающую семью 13 лет. Изменения (N-19).

Доля репрезентаций матери как хорошего родителя значительна (31, 6%). У «семейных» детей проявляются явные гендерные различия в отношениях с матерью. Роль дочери оказывается более автономной по сравнению с ролью сына. Она отказывается от материнских интроектов и начинает примерять на себя собственную материнскую роль. Для сына мать остается источником интроектов. Он продолжает получать от матери деньги и советы. Их объединяет общее «чувство беспокойства».

Выявлены различия в представлениях детей условий принятия матерью дочери и сына. Для дочери обязательным условием является ее социальная успешность (около 70 % протоколов): профессиональная карьера, наличие семьи, материальная обеспеченность, внешний вид, а также возможность опекать «слабую и старую» мать. Для сына – появление объекта привязанности (100 % протоколов), который объединяет мать и сына.

Репрезентация отца у детей в институциональных и семейных условиях воспитания.

Детский дом. Возрастная группа 3-6 лет.

«Отказники» (N-10). Ни одна мужская фигура не была номинирована на роль отца.

«Семейные» (N-20). Дети «узнавали» отца. При этом в абсолютном большинстве протоколов отец воспринимался как источник агрессии и опасности (80 % протоколов). Его тотальный контроль препятствовал удовлетворению даже витальных потребностей протагониста. При этом агрессивный контекст поведения отца, как правило, вытеснялся детьми. Отношения характеризовались как хорошие. Сам протагонист пытался удовлетворить свою потребность в идентификации с отцом как наиболее властным членом семьи.

Замещающая семья. Изменения.

«Отказники» (10 протоколов). Значительная часть детей выделяет фигуру отца и номинирует его на роль регулятора своего поведения (дети дошкольного возраста – 0%, дети младшего школьного возраста – 40 % протоколов, $p \leq 0,001$, критерий Х2г Фридмана). При этом протагонист отождествлял себя с объектом манипуляции отца («папа сказал кушать, и все пошли»).

«Семейные» (N–20). Потребность в идентификации с отцом остается актуальной (70 %). Изменяются основания для идентификации. Ведущим становится отождествление на сходстве эмоциональных переживаний («им одиноко», «они оба грустные» и т.д.). Протагонист делает попытки установить эмоционально теплые отношения с отцом. Однако эти отношения носят временный и нестабильный характер.

Детский дом. Возрастная группа 7–9 лет.

«Отказники» (N–11). «Узнаваемость» образа отца значительно возрастает по сравнению с более младшей возрастной группой (дети дошкольного возраста – 40%, дети младшего школьного возраста – 100%; $p \leq 0,001$; критерий Х2г Фридмана). Выделяется четкая репрезентация отца как агрессивного родителя (72,7 %), а также потребность ребенка в идентификации с ним (54,5 % протоколов).

«Семейные» (N–12). В большинстве протоколов представлены репрезентации отца как агрессивного родителя (60 %), цель которого при помощи насилия подчинить ребенка. В качестве примера может выступать сцена насильственного кормления ребенка, необходимость которого обусловлена исключительно подчинением взрослому.

Замещающая семья. Изменения.

«Отказники» (N–11). Выявлен «скачок» в «аффективном насыщении» образа отца. Отец выступает в качестве наказующего родителя (встречается в 80 % протоколов). Протагонист переживает чувство вины за совершенные деликты (он крадет деньги, еду и т. д. у отца), неотвратимость и справедливость наказания. Конфликт с отцом разрешается исключительно в фантазии протагониста о возвращении украденной вещи и прощении отца.

«Семейные» (N–10). В этой группе детей образ отца теряет свою агрессивную напряженность (агрессивный образ отца у детей дошкольного возраста представлен в 65 % протоколов, у детей младшего школьного возраста – в 40 % протоколов; $p \leq 0,05$; критерий Х2г Фридмана). В отличие от матери он не фрустрирует ребенка, а пытается удовлетворить его потребности в опеке. Тема наказания отца практически не представлена. В большинстве

случаев он остается фигурой для идентификации, в основе которой лежит когнитивная связь (например, они вместе думают о маме).

Детский дом. Возрастная группа 10–12 лет.

«Отказники» (N–10). В абсолютном большинстве протоколов репрезентации отца как родителя носят негативный характер (63,6 %). При этом дети испытывают потребность в идентификации с ним и идеализации отношений.

«Семейные» (N–20). Тема физического наказания отца становится ведущей в протоколах абсолютного большинства детей этой группы: отец либо тяжело болен, либо уходит на войну и погибает, либо умер и сын ходит на его могилу (представлено в более 80 % протоколов).

Замещающая семья. Изменения.

«Семейные» (N–20). У абсолютного большинства детей этой группы (представлено в более 60 % протоколов) отец выступает в роли спасителя. Его образ однозначно положительный. Происходит символическое возвращение отца. Отношения с отцом становятся залогом стабильной благополучной жизни детей. Например, у идентифицированного героя представители враждебного социума крадут самое дорогое. Отец проявляет эмпатию к его состоянию, поддерживает его и возвращает украденное. Именно отец владеет механизмами адаптации к социуму и передает их ребенку.

Детский дом. Возрастная группа 13 лет.

«Отказники» (N–9). Тема отца становится все менее акцентированной (встречается только в двух протоколах). Начинается новый этап **игнорирования** его фигуры.

«Семейные» (N–20). При объяснении причин конфликтов в семье акцент делается на репрезентации отца как плохого родителя. Он отказывается исполнять свои отцовские функции, отвергает жену и детей (70 % протоколов).

Замещающая семья. Изменения.

«Семейные» (N–20). У большинства детей этой группы (в 55 % протоколов) наблюдается идеализация образа отца. Взаимоотношения в диаде «ребенок – отец» организуются по типу «спаситель – жертва». Отец выступает в роли спасителя. Его фигура сильная и в определенной мере мистическая. Отец является носителем мудрости, способен

изменить к лучшему жизнь сына, управляет им, спасает от алкоголизма. Как правило, у отца высокий социальный статус. Фигура сына, в основном, слабая (55 %). Он несет на себе бремя вины. Своим поведением сын провоцирует отца на наказание. Во взаимоотношениях с отцом сын пытается удовлетворить свою потребность в поиске помощи и связанные с ней потребности в привязанности к опекающему родителю, поддержке и принятии.

Репрезентации себя у детей-сирот в институциональных и семейных условиях воспитания.

Детский дом. Возрастная группа 3–6 лет.

«Отказники» (N-10). В этой группе достоверно чаще по сравнению с группой «семейных» детей обнаруживается четкая регрессивная самоидентификация. Идентифицированный герой номинируется на роль «ляльки», «маленького» (соответственно: 80 % – у отказных детей, 40 % – у семейных; $p \leq 0,05$), занятого удовлетворением своих оральных потребностей (все время что-то грызет). Нередко интроект представляется в виде «крошек», доставшихся от отвергающего взрослого. Дети устойчиво идентифицируют себя с жертвой, вытесняя возможные последствия взаимоотношений с агрессором. Поведение протагониста жестко обусловлено временным и процессуальным ритмами: «встали», «кушают», «пойдут спать».

«Семейные» (N-20). Идентифицированный герой эмоционально переживает ситуацию брошенности, одиночества (N-20; 90 %). Протагонист осознает безвыходность ситуации. При этом продолжает ждать родителей, как правило, мать. Дети вводят в ситуацию два начала – смерть и жизнь: смерть – Баба-Яга, которая хочет съесть ребенка, жизнь – мама, спасающая его. В качестве причины своей брошенности дети выдвигают собственную виновность («плохо вел себя»). Идентифицированный герой начинает ощущать свою безопасность или проявлять активность, когда взрослый выходит из ситуации (например, спит). В ситуации агрессии протагонист пытается проявить активность в противостоянии преследователю, однако не может повлиять на поведение агрессора. Агрессия не связана с поведением жертвы, а определяется потребностью агрессора. Поэтому противостоять, защититься от агрессора невозможно. Единственный выход – бежать. Жертва переживает собственную беспомощность, неуправляемость ситуации. У большинства детей (N-10; 60 % протоколов) ситуация разрешается катастрофически: агрессор уничтожает жертву.

Замещающая семья. Изменения.

«Отказники» (N-10). У детей появляется потребность в осознании личностных границ и собственных границ в семейном пространстве (N-10; детский дом – 0 %, замещающая семья – 40,0 %; $p \leq 0,001$; критерий Х²г Фридмана). При этом границы воспринимаются как источник фрустрации. Самоидентификация с жертвой сохраняется (значимых различий не выявлено).

«Семейные» (N-20). Ситуация становится более управляемой за счет возрастания активности протагониста (N-20; детский дом – 25 %, замещающая семья – 60 %; $p \leq 0,03$; критерий Х²г Фридмана). Появляется понимание правил поведения в сложной ситуации взаимодействия. При этом актуальной остается тема вины жертвы за поведение агрессора и катастрофический исход. Ребенок через переживание собственной вины («раньше вел себя плохо»), всемогущества («извинился, и они помирились») пытается объединить две семьи (кровную и замещающую) в одну, но с разными эмоциональными полюсами, и тем самым решить на глубинном уровне проблему принятия и формирующейся идентификации с замещающей семьей.

Детский дом. Возрастная группа 7–9 лет.

«Отказники» (N-11). Дети идентифицируют себя с полярными эталонами: агрессор – жертва. Выделяются две ведущие темы: преступление, которое совершает идентифицированный герой, и наказание за него (N-11; 54, 5 %), преследование протагониста со стороны агрессора. При этом агрессор легко становится жертвой и переживает собственное бессилие. Роли носят флуктуирующий характер. Протагонист, как правило, совершает деликт (ворует) и несет наказание от официальных карательных органов. Им передается контроль над агрессией протагониста. Независимо от роли дети не вводят ни одного персонажа, который бы мог их защитить и поддержать (N-11; 81,8 %).

«Семейные» (N-20). В этой группе выделяется репрезентация себя как полного сироты, у которого умерли оба родителя (N-20; 60,0 % протоколов). В качестве символа сиротства выступает горб, который всем виден и который является причиной агрессии окружающих по отношению к протагонисту. Фигура защитника либо отсутствует, либо крайне слабая, не способная выполнить свою функцию. Усилия идентифицированного героя направлены на привлечение внимания взрослых. К ведущим переживаниям можно отнести: неуверенность в собственной эффективности (отражено в протоколах каждого второго ребенка), чувство вины из-за невозможности соответствовать социальным требованиям (представлено в 59 % протоколов). Ведущая потребность – потребность в симбиотических отношениях.

Замещающая семья. Изменения.

«Отказники» (N-11). Сохраняется полярность идентификации: агрессор – жертва (значимых изменений не выявлено). Изменения связаны с повышением активности протагониста в противостоянии агрессору (N-11; детский дом – 0 %, семья – 36,4 %; $p \leq 0,001$; критерий Х²г Фридмана). Наказание родителей вызывает у идентифицированного героя амбивалентные чувства: вины и удовольствия от внимания.

«Семейные» (N-20). У этих детей уходит прямая идентификация с сиротой. Нивелируются переживания одиночества, брошенности и бессилия перед агрессорами, которые дети испытывали в условиях детского дома (N-20; детский дом – 90 %, замещающая семья – 40 %; $p \leq 0,05$; критерий Х²г Фридмана). В интерпретациях появляется образ готовности к «скачку», «прыжку», «быстрому выходу» (N-20; 55 %). В репрезентацию себя включаются полярные субличности: «спасатель» («смелый мальчик») и «жертва» («потерянный и беззащитный котенок»). Актуальной остается проблема убежденности в низкой самооценке (значимых различий не выявлено).

Детский дом. Возрастная группа 10–12 лет.

«Отказники» (N-10). Идентифицированный герой пассивен (N-10; 100 %). У него снижен фон настроения, энергетический фон. Постоянной становится тема физической травмы протагониста и соматических страданий, вызванных травмой. Причина травмы, как правило, – неуправляемая случайность. С помощью травмы протагонист пытается привлечь внимание взрослого. Однако эта попытка не удается. Ситуация воспринимается как безвыходная.

«Семейные» (N-20). Протагонист не в состоянии управлять своей жизненной ситуацией (N-20; 90 %). Ничего не зависит от его усилий. Герой переживает свою несостоятельность, неэффективность. Он не предпринимает попыток справиться с ситуацией. Основной копинг-стратегией становится избегание неудачи. Герой пассивно ждет помощи извне. Он ждет помощи либо родителей, либо «доброе волшебника». Но ни родители, ни «добрый волшебник» не приходят.

Замещающая семья. Изменения.

«Семейные» (N-20). Изменения связаны с повышением активности идентифицированного героя (значимость различий $p \leq 0,05$; критерий Х²г Фридмана). Он пытается преодолеть препятствие, проявляет при этом самостоятельность, что свидетельствует о повышении уровня мотивации деятельности, самооценки собственной эффективности, энергетического фона. Он начинает осознавать собственные возможности и

понимать необходимость усилий для достижения цели («нужно долго учиться»). Инструментальная помощь, которую он получает извне, соответствует его потребностям. Внимание родителей становится стимулом для актуализации потребности в достижении. Идентифицированный герой пытается выделить свои личностные границы и в группе сверстников, следовать собственным потребностям, «примеряет» на себя автономные роли. За это он получает санкции от группы и переживает ее отвержение, а также расплачивается получением тяжелой физической травмы. Впервые появляются попытки рефлексии собственного поведения в конфликте, осознания мотива поведения другого, отказа от проекции собственных агрессивных импульсов на другого человека.

Детский дом. Возраст 13 лет.

«Отказники» (N-9). Основным переживанием протагониста становится потеря близкого человека (77,7 %). Он стремится дистанцироваться от переживаний горя потери, страдает от одиночества. Позиция идентифицированного героя остается пассивной. Он не предпринимает никаких усилий, чтобы справиться с ситуацией, но уже не ждет ни от кого помощи, переживает собственную несостоятельность. Поведение, как правило, агрессивно. Агрессия, в основном, обращена против взрослых (N-9; 44,4 %), но не редко и против себя (N-9; 55,5 %). При этом указания на перспективы выхода из этого состояния отсутствуют.

«Семейные» (N-19). Идентифицированный герой переживает свое сиротство, следствием которого для него становится социальное отвержение и жизнь «полная лишений» в будущем (N-19; 84,2 %). Он не предпринимает попыток справиться с трудностями, осознает свою несостоятельность. Появляется попытка гармонизировать свой внутренний мир. Особенностью мира становится отсутствие живых существ (N-19; 31,5 %).

Замещающая семья. Возраст помещения в семью 13 лет. Изменения.

«Семейные». Четко выделяются две группы.

У представителей *первой группы* (57,9 %) идентифицированный герой – преследуемый и несчастный изгой. Ощущение угрозы от общества, противостояния социуму, обида на окружение генерализовано («все дразнят», «все бьют», «на всех обижен»). Герой идентифицируется с ролью воспитанника детского дома. Будущее не приносит изменений в положение героя. Позиция героя аутоагрессивна: он плачет, страдает от одиночества. Поведение сверстников вызывает у него генерализованное переживание социального отвержения. Протагонист пытается осознать причину «несправедливости» окружающих по отношению к нему.

У представителей *второй группы* протагонист (31,5 %) самостоятельно справляется с препятствием, находит способ исправить положение, адекватно оценивает свои возможности. Поиск помощи и невозможность действовать без родителей встречаются в незначительном количестве протоколов (N-6; 33,3 %).

Обсуждение результатов.

У детей-сирот, получивших опыт депривационного воспитания, в значительной степени затруднено формирование репрезентации матери и отца как хороших родителей и репрезентации себя как заслуживающего заботы, любви, способного справиться с трудностями и т.д. Отсутствие опыта ранних детско-родительских отношений оказывает негативное влияние на возможности ребенка к их коррекции в условиях замещающей семьи.

В возрастной динамике репрезентаций у «отказников» в условиях институциональной заботы образ матери проходит путь от «не дифференцированности», множественности и неустойчивости (3–6 лет), замены его на сверстника при попытках удовлетворения потребности в объекте привязанности (7–9 лет) до приписывания ему качеств «ненадежности», слабости, которые не позволяют матери выполнять родительские функции, и способствуют парентификации, необходимости тотального контроля над ситуацией со стороны ребенка (10–12 лет), ее наказания в настоящем и будущем (13 лет).

В условиях замещающей семьи образ матери становится более стабильным и дифференцированным (3–6 лет), аффективно насыщенным и идеализированным (7–9 лет). При этом не формируется репрезентация матери как объекта безопасной привязанности. Во взаимоотношениях с матерью не решается проблема телесной и эмоциональной близости. Все это становится препятствием для интеграции детей в замещающей семье, особенно при устройстве в семью в возрасте 10 лет и старше.

У «семейных» в условиях детского дома мать остается объектом привязанности, но как родитель она ненадежна и даже опасна. Ребенок с помощью механизма расщепления пытается выделить «хорошую» мать. В его репрезентации «хорошая» мать номинируется на роль жертвы, «плохая» – на роль агрессора. На протяжении дошкольного возраста мать продолжает существовать в полярных репрезентациях. «Плохая» мать «губит» «хорошую» мать. В возрасте 10–12 лет дети в своих отнесенных к будущему фантазиях начинают сами выполнять по отношению к матери роль агрессора, инструментами которого становится эмоциональное отвержение и физическое наказание. В 13 лет надежность матери в ее репрезентации повышается, но, в основном, в отношении своих внуков. Повзрослевшие дети не выполняют родительские функции, а передают их матери. В определенном смысле это можно рассматривать как готовность детей к вторичному сиротству.

В условиях замещающей семьи дети, имеющие опыт детско-родительских отношений, оказываются способными сформировать репрезентации матери как достаточно заботливого

и надежного родителя. Постепенно происходит «насыщение» потребности ребенка в телесной и эмоциональной близости с матерью. Внутренняя работа по выделению «хорошей» матери, начавшаяся у детей в дошкольном возрасте, завершается к 12 годам наказанием и символическим «изгнанием» «плохой» матери, а к 13 годам на основании позитивной репрезентации позволяет осваивать автономные роли. При этом гендер ребенка оказывает влияние на данный процесс. Мальчики в меньшей степени ориентированы на отделение.

Репрезентации отца как родителя у «отказных» детей в условиях детского дома оформляются достаточно поздно, практически к младшему школьному возрасту. Отец выступает как агрессивный и ненадежный родитель, ставясь при этом объектом для идентификации. Психологическими механизмами, формирующими его репрезентации у детей, которые никогда не имели реальных отношений с отцом, становятся примитивная идеализация и идентификация с агрессором. К 13 годам в качестве защитного механизма начинает выступать механизм игнорирования (избегания). Уже к 10 годам депривационные «схемы» отца настолько негативно окрашены и ригидны, что становятся препятствием для формирования позитивной репрезентации.

В условиях замещающей семьи у «отказников» репрезентация отца как родителя формируется уже в дошкольном возрасте. Ему передается функция тотального контроля над действиями других. С возрастом у ребенка акцентируется репрезентация отца как наказующего родителя, а себя как жертвы наказания.

В группе «семейных» детей в репрезентациях родителей отец независимо от условий воспитания является более доступным объектом для идентификации и формирования отношений привязанности по сравнению с матерью. В отношении отца у детей значительно меньше негативных переживаний. При этом достоверных гендерных различий не выявлено. В дошкольном возрасте в условиях институциональной заботы ему приписываются функции всемогущества и контроля, а отождествление проходит по механизму идентификации с агрессором. В условиях семейного воспитания начинается поиск оснований для более глубокой идентификации. В дошкольном возрасте ими становятся совместные эмоциональные переживания, в младшем школьном возрасте – когнитивные связи. К подростковому возрасту у большинства детей блокируются негативные переживания, связанные с отношениями с отцом. На первый план выступает механизм идеализации. В репрезентациях отец выступает в роли «спасителя» ребенка, он возвращает ему все, что было украдено у того враждебным социумом, спасает сына от алкоголизма и деградации. При этом идентифицированный герой через переживание чувства вины перед отцом пытается удовлетворить свою потребность в опекающем родителе.

У «отказников» формируется репрезентация себя как заслуживающего отвержения и наказания. В возрастной динамике наблюдается рост личностной виктимности. Уже в

дошкольном возрасте дети идентифицируют себя с ролью жертвы. В качестве защитного механизма выступает механизм вытеснения, который позволяет заблокировать осознание агрессивных последствий взаимодействия в диаде «агрессор – жертва». В роли агрессора, как правило, выступает отвергающий взрослый. Через год жизни в семье, несмотря на очевидный прогресс в осознании личностных границ, сохраняется самоидентификация с жертвой. В младшем школьном возрасте в группе «отказников», воспитывающихся в детском доме, личностная виктимность прогрессирует. Действия жертвы по провоцированию агрессора становятся все более целенаправленными. Одним из ведущих защитных механизмов становится «идентификация с агрессором». В замещающей семье виктимная самоидентификация подкрепляется с помощью амбивалентных переживаний вины и удовольствия от наказания родителей. К подростковому возрасту дети начинают осознавать неуправляемость своей жизненной ситуации, невозможность ее контролировать. В символическом плане самоощущения «отказников» представляются в виде тяжелой физической травмы, которая должна привлечь взрослого, но остается без его внимания. В 13 лет дети осознают свои потери и утраты, а также собственную несостоятельность в том, чтобы справиться с ситуацией. В диаде «агрессор – жертва» они идентифицируют себя с агрессором. Их агрессия направлена как во внешний мир, так и против себя.

В группе «семейных» детей в условиях институционального воспитания также наблюдается рост личностной виктимности при переходе из одной возрастной группы в другую. В дошкольном возрасте в качестве агрессора, так же как и у «отказных» детей, выступает взрослый. Отличием является осознание опасности такого взаимодействия и четкая катастрофичность прогноза. У детей младшего школьного возраста при попытках осознать собственную ситуацию сиротства наблюдается генерализация образа агрессора. В возрасте 10–12 лет сформировавшаяся виктимная позиция приводит к пассивному, заторможенному поведению протагониста в ситуации опасности, которая распространяется на все его жизненное пространство. В 13 лет «сиротская» (жертвенная) позиция имеет уже трансвременную перспективу. Эмоциональная изоляция идентифицированного героя становится безопасной основой его мира. В замещающей семье дети с возрастом преодолевают собственную виктимную настроенность. Тема провокации агрессора и вины жертвы начинает актуализироваться в дошкольном возрасте. Уже в младшем школьном возрасте в интерпретациях таблиц начинает появляться образ «спасителя», поведение идентифицированного героя в ситуации «жертва – агрессор» становится более активным. Тенденция активного противостояния агрессору развивается в подростковом возрасте. Переход в семью в 13-летнем возрасте снижает возможности ребенка в преодолении виктимной позиции.

Выводы.

Результаты исследования позволили на уровне статистической значимости:

1) подтвердить гипотезу о том, что на интеграцию детей-сирот в замещающей семье оказывают влияние сформированные в условиях депривационного воспитания репрезентации родителей и себя, а содержание и динамика их изменений в условиях институционального и семейного воспитания зависят от наличия раннего опыта детско-родительских отношений, возраста ребенка, возраста устройства в замещающую семью;

2) показать, что отсутствие опыта детско-родительских отношений затрудняет формирование позитивной репрезентации родителей, способствует развитию виктимной идентичности у ребенка, репрезентации себя как заслуживающего агрессии и наказания;

3) выделить особенности репрезентации матери и отца у «семейных» детей, показать, что репрезентации отца как достаточно надежного и эмпатийного родителя у них более устойчивы и формируются в более раннем возрасте по сравнению с позитивной репрезентацией матери;

4) показать неэффективность организации реабилитационных условий без учета внутренних репрезентаций клиента.

Литература

1. *Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И.* Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. М., 2001.
2. *Обухова Л.Ф.* Возрастная психология. М., 1996.
3. *Ослон В.Н.* Эколого-динамический подход к психологическому сопровождению замещающей семьи // Психологическая наука и образование. 2011. № 1.
4. *Cohen F., Lazarus R.S.* Active coping processes, coping dispositions and recovery from surgery // Pain: Clinical and Experim. Perspectives / Ed. by M. Weisenberg. Saint Louis, 1975.
5. *Sandler J., Rosenblatt B.* The concept of the representational world // The Psychoanalytic Study of the Child. 1962. № 17.
6. *Stern D.N.* The First Relationship: Infant and Mother. Cambridge, 1977.
7. *Stern D.N.* The Interpersonal World of the Infant: A View from
8. *Psychoanalysis and Developmental Psychology.* N. Y., 1985.

Representations of parents and self in the worldview of a child in care

V.N. Oslon,

Ph.D in Psychology, head of the Laboratory for psychological and social issues in orphanage prevention osl-veronika@yandex.ru

The article presents the results of empirical research of developmental dynamics in changes of representations of self and parents in orphaned children in different situations of alternative care (residential care – substitute family) as well as their influence on integration into a new family. The sample included 120 children in care aged from 3 to 11 years old. The results of projective experiment employing apperception test were analyzed. The differences in representations development in children depending on their early experience of parent-child relationships and their age at the moment of substitute family placement are revealed. The results demonstrate that lack of any experience of parent-child relationships hinders the development of positive representations of parents, promoted the development of victim identity and self-representations as a person who deserves aggression and punishment. The peculiarities of representations of mothers and fathers in a child's worldview are described. Children, who have some experience of life in their biological families, develop representations of substitute fathers as reliable and empathetic enough persons earlier and in a more sustained manner compared to substitute mothers. The revealed representations of parents and self in children in care are regarded as the targets for their psychological rehabilitation, since the rehabilitation efficiency is gained through considering a child's subjective experiences.

Keywords: children in care, representations of parents and self, changes dynamics, targets of psychological rehabilitation.

References

1. *Burlakova N.S., Oleshkevich V.I.* Proektivnye metody: teoriya, praktika primeneniya k issledovaniyu lichnosti rebenka. M., 2001.
2. *Obuhova L.F.* Vozrastnaya psihologiya. M., 1996.
3. *Oslon V.N.* Ekologo-dinamicheskii podhod k psihologicheskomu soprovozhdeniyu zameshayushei sem'i // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2011. № 1.
4. *Cohen F., Lazarus R.S.* Active coping processes, coping dispositions and recovery from surgery//Pain: Clinical and Experim. Perspectives/Ed. by M. Weisenberg. Saint Louis, 1975.
5. *Sandler J., Rosenblatt B.* The concept of the representational world // The Psychoanalytic Study of the Child. 1962. № 17.
6. *Stern D.N.* The First Relationship: Infant and Mother. Cambridge, 1977.
7. *Stern D.N.* The Interpersonal World of the Infant: A View from
8. *Psychoanalysis and Developmental Psychology.* N. Y., 1985.